

Ирина Слоцова

ОТЦОВСКИЙ ПОЧЕРК

Ирина Словцова
Отцовский почерк

«Ирина Словцова»

2016

УДК 82-31=161.1
ББК 84-44(2Рос=Рус)

Словцова И. В.

Отцовский почерк / И. В. Словцова — «Ирина Словцова», 2016

ISBN 978-5-00105-035-3

Возможно, прочитав эту повесть, вы испытаете шок, решив, что «это уж чересчур», «выше человеческих сил». Но герои книги действуют в реальных исторических событиях. Их образы вымышлены, кроме одного – доктора Августа Лихта. Его прототипом стал талантливый хирург, прошедший все круги ада, и, несмотря на всё, сохранивший любовь к людям. У него нет пресловутого врачебного «кладбища». Всех, кто попадал к нему на операционный стол, он спасал. Говорили, что он заключил сделку с дьяволом. Но у него была особая причина бороться за жизнь тех, кто ему доверился.

УДК 82-31=161.1
ББК 84-44(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00105-035-3

© Словцова И. В., 2016
© Ирина Словцова, 2016

Содержание

Часть 1. Дочь. Экскурсия по этапу	6
Глава 1. Смерть пациента	6
Глава 2. Мать	12
Глава 3. В дороге	19
Глава 4. Город детства	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ирина Словцова

Отцовский почерк

© Словцова И.В., 2016

Часть 1. Дочь. Экскурсия по этапу

Глава 1. Смерть пациента

У нее началась полоса. Черная. Вчера она рассталась с женихом. Сегодня, 21 марта 1991 года в 11.54 во время операции у нее на столе умер больной. Хирурги постарше и опытнее, советуют в таких ситуациях «замереть» и перестать оперировать. А что делать ей, Екатерине Андреевой, тридцати пяти лет от роду, хирургу первой категории московской клиники? Она не профессор, не кандидат наук, чтобы уйти в творческий отпуск, – она просто ординатор хирургического отделения. Она не пишет книги, не рисует, не вышивает крестиком – она только и умеет что резать. Из-за этого единственного умения она отказалась выйти, наконец, замуж за Игоря и уехать с ним за границу.

Его пригласили на год – преподавать в один из университетов Германии. Он ведь талантливый химик. Немцы, правда, и сами хорошие химики, но если видят на иностранном горизонте что-то выдающееся, проявляют интерес. К тому же и сам Игорь был не промах, умел использовать все свои знакомства и связи на полную катушку. Исследования, заинтересовавшие немецких коллег, проводились коллективом кафедры, на которой Игорь работал. Тем не менее, пригласили именно его. Перед ним раскрывались горизонты, и Катинины возражения слушать и услышать он не хотел. Предлагая сразу и руку, и сердце, и заграникомандировку, Игорь убеждал:

– Катька, поживешь в свое удовольствие!

– Игорь, ты понимаешь, что хирург, как музыкант – должен упражняться каждый день. Если нет – это скажется на качестве операций.

– А ты будешь упражняться на муляжах. Ты же сама рассказывала, что твой отец каждый день тренировался узлы вязать.

– Игорь, я не знаю языка. Я окажусь в изоляции.

Кажется, они впервые ссорились. До этого события они как-то умудрились прожить пять лет без эмоциональных потрясений. Она услышала в его голосе осуждение и досаду:

– Знаешь, Катя, язык можно выучить... при желании. Наверное, дело не в пианистах и тренировках. Наверное, ты просто не хочешь ехать.

Она хотела промолчать, удержаться от резкости перед прощанием, но у нее сорвалось:

– Да, так и есть, Я не хочу быть твоим приложением.

Игорь всегда умел обходить острые углы и проявлял высший пилотаж в семейных отношениях. Может быть, поэтому были так безоблачны эти пять лет? Он, успокаиваясь, сказал:

– Хорошо, не будем ссориться. Примем компромиссный вариант. Я уезжаю один. Ты приедешь следом – когда созреешь.

...Игорь улетел вчера, а сегодня вот во время операции у нее на столе умер пациент.

– Дура, ты, Катька, – сказала ей анестезиолог Элеонора, проводившая наркоз в тот день, – хочешь высшую категорию получить, а берешься за проигрышные операции. Деду и так не жить с его онкологией, чего ты полезла?

– У меня был шанс убрать опухоль. Хоть два года, а дед бы пожил...

– Да он уже 72 года пожил, и неизвестно, доживешь ли ты до столь преклонного возраста с твоим вечным желанием всех спасти!

Разговор проходил в пустой ординаторской, куда Катерина спустилась из операционной отдохнуть и попить чаю ... или валерьянки. Впрочем, лучше пустырника, валерьянка туманит мозг, а ей еще отчитываться перед заведующим...

Элеонора еще что-то говорила, но Катерина вдруг отключилась. Подумала, что если бы ее отец был жив, то ему как раз исполнилось бы в этом году 72.

– Екатерина Августовна, – вывел ее из задумчивости голос заглянувшей в ординаторскую медсестры. – Вас заведующий вызывает.

– Ну, началось, – скорее себе, чем коллеге, буркнула под нос Екатерина и стала надевать смятую до этого в кармане докторскую шапочку.

– Уже! Доложили! – возмущенно хлопнула себя по упитанным коленкам Элеонора. – В себя человеку придти не дают... Да чего ты застыла, – с укоризной посмотрела она на медсестру, замершую в дверном проеме, – сейчас придет.

Катерина была уверена, что именно Элеонора «докладывает» заведующему обо всем, что происходит в операционной, но относилась к этому философски. Начальство имеет право быть вездесущим. Она встала перед зеркалом и увидела свое бледное лицо с темными глазами и синими кругами под ними. Надела шапочку на коротко подстриженные волосы...

– У тебя, дочка, такое лицо, – говорил ей когда-то отец, – что с прической мудрить не надо: чем проще, тем изящнее ты сама...

Что бы он теперь сказал про ее лицо и руки, налившиеся тяжестью после неудачной операции?

Зато она точно знала, что ей скажет ее непосредственный шеф. Шагая по больничному коридору к кабинету заведующего хирургическим отделением, она представляла, как Дмитрий Сергеевич будет выдвигать и задвигать ящики письменного стола (он делал это всегда, отчитывая подчиненных) и говорить:

– Вы мне портите статистику, Екатерина Августовна!..

Клиника занимала старинное здание, а потому имела свои особенности. Отделения с палатами отличались высокими потолками и окнами, пропускающими потоки солнечного света, в котором так нуждается любой пациент. Длинные коридоры и рекреации, соединяющие между собой отделения, были лишены естественного света – только тусклые лампочки под потолком – для экономии.

...По одному из таких коридоров Катя и отправилась к вызвавшему ее начальству, надеясь по дороге сформулировать свои ответы заведующему. – Не удалось.

Навстречу шел Тимофей Рязанцев, ее вечный «гонитель» и оппонент. Тима, как за глаза звали коллеги молодого, но очень талантливого хирурга, считал, что женщина-хирург это все равно, что блондинка за рулем автомобиля или женщина на корабле.

– Ну что, – приветствуя Катю таким образом, зло спросил Тимофей, – нашла, что искала?

– О чем ты? – не поняла она вопроса коллеги.

– Ну, ты же зачем-то полезла к старику в живот, – скорее утвердительно, чем вопросительно, произнес фразу вечно вздохмаченный Тимофей. – Тебе, наверное, статистики не хватает для кандидатской?

Обычно она отмалчивалась, но на этот раз не в силах была сдержать свои эмоции:

– Дурак ты, Тима. И мыслишь шаблонно. И как только ты оперируешь? – она пожалала плечами, и взялась за ручку двери кабинета заведующего.

Ругались они на ходу, и Тимофей ее «сопровождал», как траурный эскорт, или бичующий? Она потом разберется с более точным определением.

...Катерина открыла дверь кабинета.

Заведующий Дмитрий Сергеевич был не один: на диванчике сидела дочь умершего во время операции старика, – почти Катина ровесница. Они с ней общались и раньше, обсуждая возможные осложнения и в случае ничегонеделания, («Кажется, ее Анной зовут, – попыталась вспомнить Катерина), и в случае радикального вмешательства. В руке женщины был листок.

– Уже и жалобу накатала, – про себя подумала Екатерина, – а казалась такой разумной...»

– Вот, – без предисловия начал Дмитрий Сергеевич, – защитница у вас, Екатерина Августовна, нашлась.

Женщина попыталась улыбнуться ей сквозь слезы.

– Анна Родионовна говорит, что это, – и он показал пальцем на листок бумаги, – продиктовал ей отец перед операцией. Женщина молча протянула Кате листок, та взяла письмо и стала глазами пробегать строчки:

«Я, Родион Николаевич Карелин, 72 лет от роду, находясь в полной памяти и рассудке, в присутствии моей дочери и соседей по палате, прошу в случае моей смерти во время операции не наказывать моего лечащего врача Екатерину Августовну Андрееву. Низкий Вам поклон, Катенька, Вы сделали все, что могли, и руки у Вас, как у отца вашего, золотые...»

Она споткнулась о последнюю строчку и еще раз пробежала ее глазами: «...руки у Вас, как у отца вашего, золотые»...

– Он тут, – медленно, еле двигая губами, произнесла Катя, – какого отца имеет в виду?

– Вашего, Екатерина Августовна, – подтвердила Анна. – Папа вначале сомневался, говорил, что может просто совпадение такое. – И оглянулась на заведующего, как будто опасаясь чего-то...

– Ну-с, – воодушевился Дмитрий Сергеевич, – раз претензий у родственников не имеется, я вам, Екатерина Августовна, только выговор по отделению объявляю, так сказать, без занесения.

Он привстал над столом, опираясь большими пальцами на столешницу, давая понять, что аудиенция закончена, а его время – дорого.

– Как выговор?! – набрала воздух в легкие Анна... Но Катя, схватив ее сильной рукой, потащила за собой в коридор, на ходу кивая начальству:

– Да, Дмитрий Сергеевич, спасибо, я поняла... без занесения...

– Должен же я как-то отреагировать, – успел ответить шеф прежде, чем обе женщины вышли из его кабинета в больничный коридор.

Катя все еще держала Аню за руку. Та, подняв на нее опухшие от слез глаза, предложила:

– Может, мы куда-нибудь пойдём? Из слов отца я поняла, что разговор с вами не подлежит огласке.

– Да, согласилась Катя, – здесь недалеко есть забегаловка – для местных алкашей. Народу немного, а готовят, как ни странно, вкусно.

– Что же, алкаши не люди, что ли? – Аня была еще способна философствовать.

– Когда трезвеют, – парировала Катя, – и могут отличить качественные сосиски от дерьма. И потом, когда они трезвеют, у них просыпается обостренное чувство достоинства, – говоря это, она на ходу сняла халат и повесила его на ближайшую в коридоре стойку для одежды медперсонала. Халат был именной – с надписью на нагрудном кармашке: «Андреева Е.А., хирургическое отделение № 1».

Они спустились по центральной лестнице главного корпуса клиники в вестибюль первого этажа. Взяли пальто из гардероба. У одной оно было короткое бежевое, – чтобы удобно было носить с брюками. У другой – тёмно-синее макси, позволявшее комбинировать его, когда нужно, и с платьями, и с юбками.

Женщины вышли из здания клиники. Катя повела свою защитницу «черным» ходом, там, где предпочитала прокладывать маршрут сама. Они пересекли больничный двор для служебных машин и «Скорой помощи», липовую аллею, пролезли через дыру в бетонном ограждении, перебежали улицу и вошли в дверь, над которой было написано «Сосисочная».

Судя по тому, как автоматически Катя брала поднос, вилки-ножи, заказывала блюда у раздаточного окна, Аня поняла, что доктор здесь бывает часто. Та, ставя тарелки на выбранный у окна столик, словно прочитав ее мысли, посмотрела Анне в глаза, сказала:

– Из наших сюда никто не ходит – брезгуют. А мне нравится: чисто, вкусно без затей, все заняты собой и разговаривают об уважении. А я еду простую люблю: капусту тушеную, гречневую кашу, – и она, щедро положив горчицу на кусок сосиски, отправила ее в рот. – А гречка, вообще, и диетический, и диабетический, и антионкологический ... пр..., – тут она поперхнулась:

– Извините. Это у меня от профессии...

Несколько минут они молча жевали...

Вокруг шли беседы о вчерашнем матче по хоккею, о взаимопонимании и уважении. Кухонный кот бродил между ног говоривших, в надежде что-нибудь выпросить. «Зачем ему? – подумала Катя, наблюдая за передвижениями животного. – Его же на кухне кормят». Тот, видимо, тоже так решил и отправился на подоконник – умываться.

– Катя, – мягко произнесла ее имя дочь умершего Карелина, – мне отец дал четкие инструкции на тот случай, если его не станет. Так бы он сам вам все рассказал, что знал...

– Аня, не томите! – не выдержала Катя, и ее собеседница продолжала:

– Вы же знаете, мой отец – цирковой акробат... бывший. Когда не смог выступить, остался в цирке сначала тренером, потом администратором... Он очень много гастролировал. И вот однажды, это было в Нижнем Тагиле, в Свердловской области, один из гимнастов во время трюка, работая без лонжи, упал на арену. У него был перелом шейки бедра. Его привезли по «Скорой» к вашему отцу – он тогда дежурил. Август Артурович его прооперировал и два месяца выхаживал, упражнения всякие придумывал... А мой отец считал себя виновным в этой трагедии. Якобы, не продумал до конца страховку, разрешил без лонжи работать. Дня не проходило, чтобы он не навещал гимнаста и много наблюдал за тем, как ваш отец выхаживал больных. Он ведь у него даже и ночевать частенько оставался – прямо в больнице. Видел, как тот на руках после перевязки переносил пациента с ожогами в палату. Ему говорили:

– Зачем, каталка есть.

А он отвечает:

– Нельзя, будет больно очень.

– Даром что немец... – с той же монотонной интонацией заключила дочка старого акробата. Увидев, как от последней фразы, словно от удара, вздрогнула Катя, Анна спохватилась:

– Ой, извините...

Снова повисло молчание. Обе делали вид, что поглощены размешиванием сахара в стаканах с чаем.

Взглянув на помрачневшую Катю, Аня закончила:

– В этом- то все и дело. Отец говорил: «Немец и фашист – не одно и то же. Только как в нашей стране это людям понять, если в каждой семье есть либо погибшие на войне, либо умершие в лагерях, либо угнанные в Германию, либо пропавшие без вести»...

– Родион Николаевич поэтому со мной не хотел говорить? – подняла, наконец, глаза от стакана Катерина.

– Да, и поэтому тоже. Ведь ваша фамилия Андреева, а у Августа Артуровича – Лихт. Папа узнавал, вы – не замужем.

«Вот почему старик все спрашивал, почему кольца обручального нет», – вспомнила Катя...

Аня вдруг с некоторым осуждением констатировала:

– Значит, фамилию матери взяли, постеснялись отца...

Катя обиделась:

– А спросить сам не захотел?

– Да он не знал, как вы прореагируете, – словно извиняясь за только что высказанное осуждение и за отца, – уточнила Аня и продолжала:

– Захотите ли, вообще, говорить. Ведь ваша мать не захотела с ним жить.

– Не захотела жить!? – вскинулась Катя, – так ведь он...

Многолетняя привычка хирурга сдерживать эмоции заставила Катерину замолчать. Она смотрела мимо своей собеседницы, на входную дверь забегаловки, пытаясь вернуть себе самообладание. Про себя подумала: «Какой странный день сегодня! На смену неудачам приходит неизвестность...»

...Катя вспомнила, как 20 лет назад они встречали в новой московской квартире задержавшийся в дороге из Подмосковья контейнер с мебелью. Они тогда с сестренкой Танькой радовались, что наконец-то приехали их игрушки, кровати, стол. Бежали с улицы на второй этаж трехэтажного дома, где им дали квартиру, перетаскивали посильные им по весу вещи. Мать, как всегда, руководила: на этот раз грузчиками и дочерьми.

Поздно вечером, уставшие, дремавшие за столом, они пили чай с вафельным тортом в ознаменование начала нормальной жизни.

– А папа скоро приедет? – спросила Танька, и обе девочки вопросительно взглянули на мать.

Та ответила не сразу. Сидела, помешивала ложкой в стакане с остывшим чаем, потом вздохнула, как будто собиралась прыгать с вышки в бассейне. Она у них была отчаянная, как говорил папа, – занималась и плаванием, и гимнастикой, и стрельбой.

– А папы больше нет, – сказала мать и посмотрела сначала на Таньку, а потом на Катю.

– Как нет, – проснулись обе сестренки, – а где он?

– Он разбился, – сказала мать и начала убирать посуду со стола. – Он поехал на похороны бабушки Амалши, и на ТОЙ дороге они столкнулись с грузовиком... Девочки (Кате было тогда 14, а Тане 10) знали про ТУ дорогу. Это была трасса из Свердловска в Нижний Тагил. Там часто на одном и том же отрезке пути бывали аварии, и машины там бились, если не на крутом повороте, то сталкиваясь друг с другом....

– А в каком году это было, когда ваш отец был в Нижнем Тагиле? – вернувшись в реальность – к стойке в забегаловке и остывшему чаю, спросила у Анны Катерина.

– Это было в 1972 году.

– Вы ничего не путаете?

– Нет, ничего... Папа тогда уже только ставил трюки и тренировал. Он 1919 года рождения, ему тогда было пятьдесят три года, и он говорил, что они с вашим отцом ровесники, но вот у гимнастов век профессии короток, а у хирурга в этом возрасте – расцвет.

– Получается, – не замечая, что рассуждает вслух, сказала Катя, – что мы его с Танькой считали умершим, а он был жив?!

Анна широко раскрытыми глазами смотрела на доктора, рука, державшая стакан с остывшим чаем дрожала.

– Мать сказала, – продолжала рассуждать Катя, – что он погиб в автокатастрофе в 1971 году, а ваш отец его видел в 1972. Получается, что тогда он еще был жив!

Анна испуганно смотрела на бледную, как медицинский халат, Катю:

– Я очень сожалею, – прошептала она, – вот и отец говорил, что...

– Давайте еще раз сопоставим, – собралась с мыслями Катя, – 1972 год, город Нижний Тагил, – ну, положим, график гастролей цирка вашего отца я могу уточнить. Какая больница?

– Третья городская больница, хирурга звали Август Артурович Лихт.

– А жил, где он жил, – засуетилась Катя.

– Я этого не знаю. Отец ведь все время в больнице у него был. Говорил, что они как-то, в конце дежурства чай пили, доктор Лихт признался, что скучает по дочкам и жене...

Анна старалась не смотреть в лицо Кати, понимая, что заставляет ее страдать, и продолжала оказавшиеся для обеих женщин мучительными воспоминания.

– «А где они?» – отец спросил. Август Артурович сказал, что всему виной его национальность. Жена сказала, что из-за него ее карьера не складывается, да и у дочек с немецкой фамилией – не жизнь...

У Катерины задергалось веко, что бывало в крайне трудных случаях во время операций. Она чувствовала, что сейчас закричит от душевной боли на всю забегаловку, переполошив и свою собеседницу, и постоянных посетителей.

– Извините, я, кажется, вторглась в ваше прошлое. Может быть, мы остановимся? – предложила перепуганная дочка акробата.

– Да, вы, Аня, правы. – Катерина достала из сумки, висевшей на плече, перчатки из тонкой дорогой кожи, которые диссонировали с дешевой тканью ее скромного бежевого пальто. – Это уже мои проблемы. – Она быстро натянула перчатки на изящные сильные пальцы. Голос ее дрожал, в нем появилась легкая хрипота.

– У вас сейчас своих невпроворот... А ваш отец – редкостный старикан. Из ума не выжил и злобы не приобрел. Спасибо ему, да и вам. Вы мне – оба – надежду подарили, а может, и еще что-то большее, – сказала она, ударяя на первом слоге, – пока не знаю...

– Мы могли бы дружить, – вдруг сменила тему Анна.

– Это вряд ли, – ответила Катерина, застегивая пуговицы пальто. – Между нами всегда будет стоять ваш отец. Что бы он вам ни сказал, – и Катя рукой в тонкой перчатке потрогала письмо умершего больного в кармане своего пальто. – Вы будете помнить, что он умер на моем операционном столе. Так что ... как бы мы ни симпатизировали друг другу, наши ассоциации нас разведут... Отец, когда был жив... – она споткнулась и снова начала, прерванную фразу. – Отец говорил мне: «Не дружи с теми, кому не смогла помочь, как бы они ни стремились к дружбе с тобой»...

Молодые женщины вышли из забегаловки и, не попрощавшись, отправились в разные стороны: одна спешила в морг, чтобы договориться о последних приготовлениях умершего отца к похоронам. Другая – домой, чтобы придти в себя и осмыслить известие о возможно еще живущем где-то отце.

Глава 2. Мать

Как и двадцать лет назад, семья Андреевых жила в Москве, в невысоком трехэтажном доме на улице Руставелли, который, по иронии судьбы, построили военнопленные немцы. Дом был хорош: с аркой в центре здания, украшенный рустами, высокими окнами. «Тело» дома формировало светлый открытый двор, который жильцы украсили деревьями, кустарником и цветниками. Еще школьницами Катя с сестрой любили помогать соседям, которые осенью и весной высаживали деревья и сирень по периметру дома, а под окнами – «живность» поменьше: ирисы, нарциссы, декоративную траву. Уже давно у Кати появилась привычка рано утром садиться в кухне напротив окна и смотреть на великолепную зелень двора – летом, золото листвы – осенью, а зимой вспоминать, как хорош их двор в теплый сезон.

Квартиры были с высокими потолками и толстыми стенами, не пропускавшими ненужные звуки. Да и соседям не мешали музыкальные упражнения младшей сестренки Николаевой.

Абсолютный слух, чувство ритма, свойственные всем Лихтам, у Татьяны обнаружились очень рано, когда отец отвел ее к своей знакомой учительнице музыки. Это сейчас они знают, что Таньку нотной грамоте учила сама Лотар-Шевченко (1.Прим), но тогда девочка просто постигала азы игры на фортепиано «с тетей Верой», пока та не уехала из города. Поступив в музыкальную школу и услышав скрипку, Танька решила освоить и этот инструмент. Есть такие люди, к которым рано приходит осознание призвания. Татьяна была из их числа. Она блестяще окончила музыкальную школу, без проблем поступила в музыкальное училище. Окончив консерваторию, устроилась на работу в симфонический оркестр. Но первой с «тетей Верой» познакомилась Катя. Отец считал, что музыкальное образование необходимо каждому – особенно, девочкам. Как многие тагильчане, знакомые с Лотар-Шевченко и знавшие, что она после освобождения из лагеря нуждается, он привел старшую дочь к Вере Августовне. Катя смутно понимала объяснения учительницы, так как от «тети Веры» исходил жуткий запах. От него кружилась голова и щипало в носу. Это теперь Катерина знает, что это был запах смерти, голода, инфекций, затхлых помещений и лагерных бараков. Дома девочка заявила, что больше на занятия с тетей Верой не пойдет.

– Почему, – спросил отец, – тебе было неинтересно?

– От нее воняет! У меня даже голова заболела!

– Это правда, – сказал мягко отец, посадил Катю на стул напротив себя, заглянул ей в глаза. – Но этот запах скоро пройдет, выветрится. Вера Августовна – гениальная пианистка и мужественная женщина. Пятнадцать лет она не прикасалась к роялю, а когда смогла это сделать, то не отходила от него несколько часов, и все играла, играла, – голос отца дрогнул. После паузы он продолжил:

–...и музыка ее была прекрасна! У здания городской музыкальной школы в тот день собралась толпа людей, которые пришли, услышав музыку Бетховена, Шопена и Моцарта.

– Как ей это удалось? – спросила девочка.

К тому времени Катя уже понимала, что такое тренировка: она видела, как ежедневно отец, сев у окна, практиковался в скорости завязывания хирургических узлов, а по вечерам, когда дома никого не было дома, он играл на аккордеоне – выключив свет в квартире. Так он отдыхал от яркого света ламп операционной. Когда Катя и Таня возвращались ранними, но темными зимними уральскими вечерами из школы или спортивных секций, они не пугались потухших окон своей квартиры на втором этаже. Подойдя к подъезду, они слышали: отец дома, играет на аккордеоне, а ужин для них уже согрел и спрятал в подушки, чтобы дольше сохранить тепло и не «разогревать по десять раз»...

– Как ей это удалось? – повторил Катин вопрос отец и ответил: – Она нарисовала клавиши на дощатом полу барака, и играла на них, как только представлялась возможность, чаще всего, ночью. А ноты держала вот здесь, – и папа коснулся пальцем лба...

...После разговора с отцом Катя безропотно посещала уроки музыки, потом к ней присоединилась Танюшка, а потом Вера Августовна уехала из города. Начались другие времена, и пианистка стала выступать с гастроями по всей стране.

Катя вспомнила, как мама иронизировала над отцом: он, по ее мнению, слишком «нежно» и тщательно ухаживал за собой. Помимо ежедневного душа были еще и одеколон, и маникюр, и крем для лица. Теперь Катя понимала причину этой «нежности»: Август Лихт «выводил» из своего тела не только следы лагерного унижения и страха, но и запах барачных, колючей проволоки, псины и помоев.

...Танюшка не обладала таким тонким обонянием, как старшая сестра, она была поглощена звуками. Таня любила жить «на миру, на свету», на колесах – всегда в компании друзей, приятелей и поклонников. Она удачно вышла замуж за своего школьного одноклассника Гришу, встретившись с ним на одном из вечеров выпускников. Он стал школьным преподавателем математики. Гриша оказался надежным, любящим мужем. Но еще надежнее оказалась его мама – Екатерина Дмитриевна, которая называла Таньку не иначе как вертихвосткой и занималась воспитанием внуков-близнецов, подаренных ей вертихвосткой и Гришенькой.

Свекровь предпочитала общаться со своей тезкой – Катей, может быть, потому, что очень любила поговорить о своем здоровье. А поскольку Катя и так много говорила о чужом здоровье у себя на работе, то старалась как можно реже заглядывать в «семейное гнездышко», свитое младшей сестрой. Да и Танька любила «отдышаться» от семейной жизни в старом доме на улице Руставелли.

Катя всегда тяготела к постоянному углу, письменному столу, «норке», возможно предвидя, что профессия хирурга потребует от нее такого сосредоточения. Она, хоть и считала себя домоседкой, дома старалась быть крайне редко из-за желающей всех и вся контролировать матери. Эти черты с возрастом у Елены Георгиевны не исчезли, а напротив, приняли катастрофические объемы.

Кате с замужеством не повезло. Ее первый брак длился недолго: вернувшись как-то с ночного дежурства в квартиру, которую они с мужем снимали, она застала у него любовницу, развернулась и ушла. Как он потом ни убеждал ее, что это «всего лишь раз, что черт попутал, что и не нравится она ему вовсе и что только Катерина – его любимая женщина», она простить не смогла и снова вернулась в отчий дом. С того времени она замуж не выходила, хотя поклонники руку и сердце ей предлагали. Катя обладала, для невнимательного взгляда, обманчивой внешностью. Она была миловидна, улыбочлива, приветлива, спокойна. Движения ее тела и, особенно, рук были плавными и пластичными. Пальчики – тоненькие, изящные, хоть и с коротко постриженными ногтями. Многим казалось, что это такая уютная домашняя «кошечка». Когда же вдруг эта «кошечка» обнаруживала пылливый анализирующий ум, твердый характер и верность профессии, то «обманувшиеся» в ожиданиях, исчезали из ее окружения. Катя понимала, что с каждым годом эта повторяющаяся «ситуация» грозит ей будущим одиночеством, но ничего поделать с собой не могла. Кроме того, она всегда придерживалась правила: женатый мужчина – не ее мужчина. Она все еще помнила, как ей было больно при разводе...

После замужества Татьяны тяготы жизни с властной стареющей и часто болеющей Еленой Георгиевной полностью легли на Катю.

...Возвращаясь домой после трудного разговора с Анной, Екатерина размышляла о том, удастся ли что-нибудь выяснить у матери. В последнее время та пребывала в каком-то своем мире и если «выныривала» на поверхность существующей реальности, то только для того,

чтобы усложнить жизнь окружающим. Все чаще у нее стал появляться тяжелый, «пустой» взгляд... По всей вероятности, к старческому психозу мать Тани и Кати подходила давно, но странности ее поведения списывались на крепость характера и желание (привычки) все и вся контролировать. Первый ярко выраженный приступ старческой деменции проявился у Елены Георгиевны в первую гастрольную поездку Татьяны. Однажды вечером Елена Георгиевна «обнаружила» пропажу младшей дочери Татьяны.

– Где моя девочка? – строго спросила она Катерину, которая на кухне готовила ужин.

– Куда вы ее дели? Ее уже четыре дня нет дома. Пора объявлять в милиции розыск.

– Мам, ты шутишь! – изумилась Катя. – Танька же на гастроли уехала. Уже две недели как.

– Это ты ее куда-то утащила, – взвизгнула Елена Георгиевна, и с остервенением стала расшвыривать куртки и пальто, висевшие в прихожей. Потом принялась за обувь.

– Она что, – истерично-громко продолжала мать, – голая уехала!? Все вещи на месте!

– Мам, в Болгарии сейчас уже тепло. – Мягкой интонацией Катя надеялась успокоить мать.

– Ты все врешь, – продолжала нападать на дочь Елена Георгиевна, – ты всегда ей завидовала! Ты слишком прозаична, – как и твой отец. Куда ты ее завезла?

За свою врачебную практику Катерина видела всяких больных и поняла, что без помощи психиатра ей не обойтись. Приехала вызванная ею «Скорая», врач попался грамотный, сдержанный, и вскоре, «накачанная» успокоительными, Елена Георгиевна заснула.

– Мы, конечно, можем ее увезти недели на две, – сочувственно сообщил доктор. – Но вы же, коллега, понимаете, что решение проблемы – уход за таким беспокойным больным – остается на родственниках.

Катерина понимала. Бригада «Скорой» уехала, оставив Катю с грустными мыслями и спящей матерью.

Через несколько дней Татьяна вернулась из-за границы, зашла навестить мать, выглядевшую, как обычно. Рассказ Кати всерьез не восприняла или сделала вид, что «это все выдумки и байки», и старшей сестре пришлось заботу о психическом состоянии матери тоже взять на себя.

Вскоре Катя по маленьким изменениям – словам, интонации, научилась заранее распознавать материны приступы и давала ей успокоительное лекарство, выписанное участковым терапевтом. Чаще всего такие эпизоды происходили, когда мать не могла справиться с какой-то новой для нее, непривычной информацией. В остальное же время Елена Георгиевна производила впечатление грамотной, бывалой женщины, знающей себе цену и умеющей повелевать.

– Надо же, – сказала как-то Кате шепотом соседка по лестничной площадке, – что-то рановато она у тебя с катушек съехала...

– С чего вы взяли, тетя Нюся?

– А с того, Катя, – продолжала шептать соседка, – что приходила она к нам вчера рано утром – ты на дежурстве была – и просила Бориса моего поставить замок у нее в комнате. Говорит, что ты взломала замок в ее письменном столе и ночью ходишь, какие-то документы ищешь. А я, сколько помню, у нее в этом столе отродясь замка-то никакого и не было!

В те времена, когда Таня с Катей росли, соседи ходили друг к другу в гости «на телевизор», помогали с ремонтом и обменивались рецептами приготовления пирогов, супов и салатов, а, придя за солью, «забалтывались» до тех пор, пока заскучавший или оголодавший супруг не приходил забрать дражайшую половину, ушедшую «за солью или спичками». Муж Нюси Борис ко всем обращался «Уважаемый» или «Уважаемая»:

– «Уважаемая, вы в этом абсолютно ничего не понимаете, поэтому советую вам отойти подальше», – говорил Борис Елене Георгиевне, когда она просила починить его розетку или повесить новую люстру и при этом хотела руководить его действиями.

Теперь наступили другие времена. В каждой квартире были и телевизор, и соль, и зажигалка. А в случае надобности, соседи вызывали жэковских электриков, а не постаревшего Бориса...

– Может, оно и к лучшему, что соседи в курсе, – подумалось Катерине, – в случае чего, попрिдержат мать хотя бы на дворовой территории или увидят, куда пошла.

Теперь, после разговора с дочерью старого акробата, Катерине стало понятно, почему так рано у матери начались изменения в психике. Похоронить живого мужа, а дочерей лишить отцовской любви и защиты, боясь при этом проговориться и молча нести тяготы собственной лжи – это ноша слишком тяжелая... А то, что Елена Георгиевна «заговаривается» именно на почве документов, лишь подтверждает, что какие-то ниточки в прошлое родителей можно найти.

Катю давно смущало и отношение к ней самой матери. Она знала, что существует неприязнь родителей к собственным детям. Иногда она наблюдала это у своих пациентов. Они неодинаково относились к своим разновозрастным и разнополым детям. Приходит с визитом к матери старший сын, и она, только что буквально «рассыпавшаяся» от болезни в присутствии младшей дочери и терроризировавшая ее своими желаниями: «повыше, нет, пониже подушку, хочу пить, подай судно, нет, хочу есть, какая ты безрукая», вдруг встряхивалась, словно полковая лошадь при звуке походной трубы, прихорашивалась, садилась на кровати и даже пыталась встать (если, действительно, была на это способна), и тембр ее голоса становился мягче, а интонации – ласковыми:

– Сыночек, ты, наверное, устал после работы. Уж мог бы сегодня и не заходить... Может быть, тебе чайку согреть? У меня вот еще булочка осталась...

Наблюдая такие сцены в больничных палатах, Катерина, в общем-то, научилась философски относиться и к тому эмоциональному «водоразделу», который всю жизнь ощущала между собой и матерью. Правда, надо отдать должное отцу – он никогда не выделял ни одну из дочерей, ни старшую, ни младшую.

На Катерину снова «наплыла» сцена из прошлого, когда вся семья была еще «в сборе».

Двенадцатилетняя Катька крутится в большой комнате перед зеркалом, примеряя платье, которое сшила себе, «под водительством» бабушки Амалии. Отец с удовольствием за ней наблюдает:

– Ты у нас, Катерина, красавица. И внешность у тебя такая, что наряды тебе такие нужны, как красивой картине – рама. Чтоб без вычурности. Вот только думаю, на кого ты больше похожа, на меня или на маму, – он явно сегодня настроен «игриво», у него хорошее настроение, и ему хочется сделать приятное жене. Она не откликается на его «призыв», комплимента не принимает и категоричным тоном заявляет:

– К сожалению, ни на меня, ни на тебя, а на бабушку Амалию... те же глаза, вот только волосы темные. Ну, да когда поседет, будет копия моей свекрови...

Отец не сдается:

– Ленюк, а разве плохо? Каштановые волосы, карие миндалевидные глаза – это ж порода, красиво! – Он явно еще надеется на мирный исход разговора.

– То-то вы со своей породой в Сибири оказались... – парирует мать, сидя в кресле за журнальным столиком. Она вычитывает текст, который ей завтра утром нужно сдать в редакцию газеты. Два дня назад Елена Георгиевна вернулась из очередной командировки «по городам и весям»...

Лицо отца мрачнеет, и он уходит на кухню. Затем они слышат, как в коридоре он тихонько одевается, а потом так же тихо прикрывает за собой уличную дверь.

Катя давно заметила, что отец, когда не хочет ругаться с матерью, просто тихонечко уходит – из дома. Последнее время это происходит все чаще...

– Небось, к Амалии пошел... пироги есть, – рассерженно шепчет Елена Георгиевна, неестественно близко поднося к глазам свою рукопись.

Танька, с присущей ей наивностью и прямодушием советует матери:

– Мам, так и ты пирожков с плюшками напеки...

– Мучное вредно, – мама сегодня явно не в духе. – Вон Катька на бабкиных пирожках раздобрела так, что школьная форма на ней по швам трещит...

Катина радость от того, что сама (!) сшила обновку, что платье хорошо «село», как говорит бабушка Амалия, и ей идет, что цвет подчеркивает ее карие глаза и оттеняет слегка выющиеся, как у отца и бабушки Амалии волосы, улетучивается. Снова накрывает волна недо-вольства собой и неуверенности. Девочка уходит в детскую комнату учить уроки, и уже из-за двери слышит, как ласково журчит мамин голос в разговоре с Танечкой...

Катя отбросила – как нерабочую – мысль о разговоре с матерью, опасаясь обострения психоза. Она решила саму себя «подвергнуть» воспоминаниям.

Под усиленным натиском Катиной воли фрагментами, обрывками, всплывали картинки жизни на Урале, когда семья была в полном составе.

Однажды на уроке истории, когда говорили про блокаду Ленинграда, кто-то из ребят, спросил: «Почему они, немцы, такие жестокие?»

– А ты у Николаевой спроси, – не нашел ничего лучше ответить преподаватель исто-рии, – и весь класс повернулся в сторону Катерины...

Она вернулась из школы со слезами. Вечером того же дня отец с матерью ругались.

– Пойди и поставь его на место, – требовала мать.

– Не могу я, – виновато отвечал отец.

– Почему?

– Я ударить могу...

– Очень удобная позиция, – сказала мать и на следующий день отправилась в школу сама. После посещения матери учитель истории разговаривал с Катькой, чуть не приседая, а ей стало противно.

Как-то мать вылила целый ушат грязи на отца в присутствии Кати. Потрясенная, девочка пришла к бабушке Ольге, гостившей у них летом, ища объяснений, а та сказала:

– Ленка, хоть и дочь мне, но скажу, что с жиру бесится. Август ей предан так, как мало кто из мужчин любить способен. А то, что бабы на него вешаются – не его вина. Он талантлив, хорош собой – женщины таких любят. Прости меня, Господи, что с малолеткой об этом говорю. Я немцев не люблю, но отец твой – исключение.

«Если бы бабушка Ольга была сейчас жива, она бы помогла, – размышляла Катя». Но обе бабушки: и Ольга, и Амалия, давно уже покоились на кладбищах: одна – в Москве, а другая – в Нижнем Тагиле. «А ведь отец еще может быть жив, – соображала Катя. – Сколько ему сейчас – семьдесят два? Жив или нет, но я должна узнать, где он и что с ним, и как он жил, когда мать нас разлучила...»

Она понимала, что искать надо там, на Урале. Мучили сомнения: а если он, как и мать, впал в маразм? а если уже умер?

– Катька, – сказала она себе, – ведь ты не про операцию думаешь, резать – не резать. Ты свою жизнь определяешь. Если отец жив, значит, он ждет! Старика обреченного стала оперировать, а почему же себе и отцу не хочешь дать шанс?

Она чувствовала, что не сможет нормально жить и работать, пока не найдет человека, которого так любила в детстве, и обожала, и боготворила. Ведь и хирургом она стала потому, что хотела во всем ему подражать. Вот только отец был хирургом от Бога, а она?

Нужно было дождаться возвращения сестры в Москву, взять двухнедельный отпуск и ехать на Урал.

...Танька вернулась из очередных гастролей, как всегда, веселая, довольная, пахнущая французскими духами, с подарками для старшей сестры и матери, не обремененная мировыми проблемами. Отчитавшись о поездке в комнате Елены Георгиевны, заглянула к Катерине. Увидела на ее столе листки бумаги со столбиками цифр, протянула к ним изящные пальцы с розовыми овальными ноготками, удивилась:

– Доходы подсчитываешь... или, наоборот, расходы?

Катерина шутку не услышала или не приняла:

– Да вот считаю и думаю, где, когда и почему мы с тобой, Танька, совесть потеряли...

И рассказала сестре о встрече с Анной.

Слушая Катю, Татьяна сняла очки с заплаканных глаз и обсоплившегося от слез носа, смотрела беспомощными близорукими глазами на сестру:

– Так ведь мама сказала...

– Танька, тебе не кажется абсурдной эта фраза в нашем возрасте?

– Мне же тогда было 10 лет всего.

– А мне – четырнадцать, и я кое-что слышала. Мне и тогда казалось это все странным.

А потом, когда мы выросли, почему мы не спросили у матери, где могила отца? Почему не поехали сами, не узнали? Получается, что нам с тобой выгодно было его исчезновение из нашей жизни? Меньше унижений, меньше обид. Вот, смотри, – и Катя резким, но по-женски плавным движением придвинула на середину стола свои расчеты:

– Отец родился в 1919 году. В августе 1941, когда немцы, жившие в Саратовской республике Поволжья, были объявлены пособниками фашистской Германии. Ему было 22 года, и его, как выпускника военного факультета медицинского института, мобилизовали в действующую армию старшим военврачом – под Ленинград. Потом его отзывают и отправляют на Урал, а его родителей и сестренку в течение 24-х часов выселяют из родного города и отправляют – в Сибирь, на лесоповал. (2.Прим)

В Нижнем Тагиле, после того, как трудармейцам разрешают поселение и работу на гражданке, он знакомится с нашей матерью, и уже после войны они женятся.

Сначала мы уехали в Подмосковьё, а потом – в Москву. Мы с матерью в Москву уехали раньше, чтобы успеть к началу учебного года, а он оставался в подмосковном посёлке, чтобы упаковать вещи, посуду, мебель и отправить контейнеры по железной дороге. Потом он не приехал, а мать сказала, что он погиб в автомобильной аварии.

...Если Анюта ничего не перепутала, то получается, что из Подмосковья он поехал не в Москву, а вернулся в Нижний Тагил. Почему?

...Танька уже не плакала, а только сонно кивала головой. Она всегда соглашалась – и с мамой, и с сестрой – во всем, что не касалось музыки. В свой мир музыкальной гармонии она их не пускала.

Мать, привыкшая к Танькиным кратковременным посещениям, забеспокоилась долгим присутствием дочери в квартире, заглянула в комнату, где сидели Катя с Таней. Увидела заплаканную младшую, набросилась на старшую:

– Что ты ей сказала? Чем ты ее довела?

– Мамулечка, все в порядке. Я просто устала, я уже ухожу, – Танька всегда умела подольститься к матери. Да, собственно ей и особых усилий прилагать не нужно было. Любовь матери к ней была безусловна...

Катерина, отправилась провожать Таньку до метро, чтобы материных ушей не достигли их переговоры.

– Теперь, Танька, твоя очередь наступила следить за материным питанием и всем остальным. А мне отлучиться надо, – строго сказала Катя, как она делала еще в детстве, когда ей поручали позвать сестру с улицы.

Танька, привыкшая, что все бытовые тяготы решает Катерина, не успела даже возмутиться.

– А если что, – найми соседку Александру. Она все сделает, как надо, – инструктировала Катя свою «нежную» сестру.

– Кать, – вдруг засомневалась Татьяна. – А может, не надо все это поднимать? Ну, найдешь ты его, а он в маразме, как мать, или уже умер – и что? На могилке поплакать хочешь? И ради этого вот так срывать, лететь сломя голову неизвестно куда?

Она еще что-то хотела сказать, но увидев, с какой яростью смотрит на нее Катерина, остановилась...

– Танька, ты соображаешь, что говоришь? Ты же об отце нашем говоришь. Он что? Алкоголик? Дезертир? Предатель Родины? Да и вообще, какой бы он ни был – он наш отец – это, – безусловно, понимаешь? Или тебе твои гастроли совсем башку свинтили набок? Да хотя бы и на могилу приехать – хоть так и там с ним поговорить!?! Эх ты, творческая личность, нежное создание...

Они молча расстались у станции метро, недовольные друг другом.

...На следующее утро Катя сразу же после врачебной конференции отправилась к заведующему просить отпуск.

– Что-то не в сезон собираетесь, – проворчал начальник. – Впрочем, это ваше личное дело, – подмахнул Дмитрий Сергеевич ее заявление. – Тем более, что сейчас стажеров-интернов прислали. Надеюсь, справимся без вас.

Катя ничего не стала объяснять чрезмерно любопытной Элеоноре, которая в тот день не раз пыталась узнать у коллеги цель срочного оформления отпуска не в сезон:

– Ты едешь к Игорю? Ты ложишься на аборт? У тебя новое любовное приключение?

– Элеонора, я могла бы подтвердить любую твою версию. Но боюсь, из твоей любви к деталям, мой обман сразу же обнаружится. Давай договоримся: как только я вернусь, ты первая об этом узнаешь. Все, меняем тему.

На том и расстались.

Теперь, осознав цель своего существования на ближайший месяц, Катя выстроила все логические точки «поискового маршрута». Вечером того же дня она отправилась на железнодорожный вокзал. В конце зимы проблем с билетами не было. Она села в поезд, шедший прямым курсом Москва – Нижний Тагил. Ее никто не провожал. Она ехала налегке, обремененная лишь мыслями о том, как правильно вести поиск. Впрочем, через двое суток сам город ей подскажет.

Глава 3. В дороге

Ей досталась верхняя полка, которая позволяла свести общение с пассажирами до минимума.

Но радость Кати была недолгой, когда она поняла, что ей предстоит «путешествовать» с командой лыжников-подростков. Вот почему ей с такой легкостью удалось «достать» билет. Вагонное пространство было оккупировано детьми в возрасте от 12 до 17 лет. Она попыталась обнаружить среди них хоть одного взрослого, который бы нес ответственность за весь этот балаган. Он сам на нее «набежал», как ей показалось, в попытке найти хоть какую-то часть вагона, незанятую брызжущей во все стороны, не расходуемой в условиях ограниченного пространства, энергией малолетних спортсменов.

– Не возражаете? Если я тут присяду? – поинтересовался у нее невысокий крепыш лет сорока с веселыми ярко-синими глазами. – А у меня есть выбор? – несколько раздраженно переспросила она, как будто на нем желая вынести свою досаду от тревожного соседства. – У вас тут весь вагон куплен.

Он, словно уловив ее состояние, миролюбиво пообещал:

– Не расстраивайтесь. Они сейчас побегают, пошумят и успокоятся. Я сегодня им нагрузку на двое суток вперед дал. – А мы с вами тогда и чайку попьем.

– А с чего вы решили, что я с вами чай пить буду?

– Так вы же все равно чай пить будете. Так почему не со мной?

С правой стороны рта спортсмена был маленький шрам, который мешал ему улыбаться: казалось, что он криво усмехается. «Видимо, при травме был задет нерв», – отметила про себя Катерина. Кривая усмешка компенсировалась прямым добродушным взглядом. От него пахло, в отличие от многих мужчин, которые прошли «через руки» Кати, чистым телом и дорогим мылом. В меру накачанные мышцы, которые сейчас не скрывала футболка с коротким рукавом, могли маскироваться в обычном костюме. Все это она отметила автоматически, профессионально. Он понаблюдал за ее «сканированием», спросил:

– Вы из богемы?

Его вопрос ее озадачил:

– Почему?

– Тщательно изучаете все, что у меня есть.

Она смутилась, покраснела:

– Извините, это мои профессиональные издержки: я врач. Но вы тоже... не в окно смотрели.

– Так и у меня профессиональные издержки. Я – тренер. Владимир. Мир?

– Ну, хорошо...

Пришла проводница, забрала билеты, выдала, как всегда, чуть влажное постельное белье, потом хотела разносить чай. Но Владимир мобилизовал старших ребят, и они, оставив проводницу у титана с кипятком, разнесли стаканы с чаем быстро и организованно. Симпатичный тренер оказался прав. В десять вечера вагон уже тихо сопел.

Стараясь не шуметь, Катя сходила умыться, переделалась в спортивный костюм и забралась к себе на верхнюю полку. Стук колес, навевавший дремоту и умиротворение, сразу напомнил ей, как они путешествовали всей семьей летом: в Сочи, Гагры, Ялту... Родители обычно в течение года копили деньги, чтобы в летний отпуск вывезти дочек на юг, да и самим погреться.

Кто-то из спортсменов прошлепал в туалет. Потом еще, и еще – это походило на детский сад. «Ритуал» один и тот же: стоит одному проснуться, как шебуршиться начинают все. Потом снова стало тихо. На верхней полке ей никто не мешал думать. *Она помнила, каким мрачным бывал отец, когда ему приносили с почты заказные письма. Как-то мать объяснила Кате:*

отец пишет запросы в архивы, чтобы получить справку о своей службе в действующей в армии в начале войны. А ему приходят ответы, что Август Артурович Лихт ни в одной из воинских частей Ленинградского фронта не числится.

– Как нет!? Как нет! – я что, сумасшедший? Я что, умер? Тогда пусть напишут, где я похоронен! – горячился отец, потрясая над головой бумажкой с печатью.

– Август, наверное, еще время не пришло, – мягко говорила ему мать.

– А когда придет? Когда меня не станет?

Первый раз услышав этот разговор, Катя пожалела отца. Она не понимала, что означают все эти слова, она только чувствовала в интонации отца несвойственные ему горечь, отчаяние и обиду. Это теперь, по прошествии 20 лет, она понимает, почему такие ответы приходили из архивов: они были закрыты. Вернее, информация, касавшаяся отца и таких как он, российских немцев, подвергшихся депортации, была закрыта от огласки. Ей как-то случилось оперировать институтского преподавателя истории, и он ей объяснил: «Тема депортации российских немцев и ликвидации Автономной Республике немцев Поволжья ЗАКРЫТА. Когда откроют? Бог весть...» (3.Прим.)

– Катерина Августовна, Катерина, – кто-то настойчиво и бесцеремонно дергал ее за щиколотку.

– Катерина, вы говорили, что вы врач... Нам нужна помощь!..

Она, как на больничном дежурстве, мгновенно вынырнула из сна, спустилась с полки. Внизу сидели Владимир и мальчишка лет десяти – оба бледные, как постельное белье вагонного комплекта.

– Что случилось? – спросила она, причесав пятерней свои короткие волосы и подумав, что разговаривает, не почистив зубы.

– Я не специалист, – тихо сказал Владимир, но, по-моему, у Дениса, – и он кивком показал на бледного тихого мальчишку, – рука сломана – в запястье.

Катя осторожно, почти не касаясь, осмотрела поврежденную руку. Та уже начала опухать. Мальчик молча морщился от боли.

– Похоже, вы правы. Нужно на первой же остановке высаживаться и ехать в травмпункт: делать снимок, накладывать гипс.

Тренер стал еще блее:

– Я не могу высаживаться. Я не могу бросить детей... и его не могу оставить. К тому же через несколько часов уже Нижний Тагил.

– У него может быть шок – болевой. Ему нужно сделать обезболивание, – строго, как маленькому, объясняла Катя.

– Ну, чего-чего, а обезболивающих у нас вагон и маленькая тележка, – встрепенулся Владимир. – Мы ведь – лыжники. Бывает, ломаемся. А вы можете что-нибудь придумать – на несколько часов?

– Только лангетку, – с осуждением и сомнением в голосе сказала Катерина. А про себя подумала: «Вот подлец! Небось, если бы это был его сын, он бы не так себя вел».

– Ну что, Дениска, – обратился бодряческим тоном Владимир Иванович к ребенку, – потерпим? Осталось чуть-чуть доехать... А там и медики свои, спортивные, и машину дадут – все будет, Дениска, только доехать надо.

Все это он говорил, перерывая большую спортивную сумку с лекарствами. Аптечка, действительно, была «богатая».

– Потерпим, пап, – мотнул головой бледный Дениска.

– Это ваш сын!? – воскликнула удивленно Катерина.

– А что вас удивляет? – спросил тренер, видимо, уже успевший взять себя в руки, и протянул ей две тоненькие дощечки, явно «заточенные» для того, чтобы служить лангетками. –

А это вот еще бинт... Возьмите, возьмите, – в его голосе она услышала подавляемые тревогу и раздражение.

Вскоре запястье мальчика было крепко стиснуто между лангетками, а рука покоилась в «люльке» из цветастого платка, привязанного к плечу. Мальчика напоили крепким чаем и дали обезболивающие таблетки, положили в одном из купе и приставили «охрану» из сочувствующих сверстников. Только после этого стали выяснять, каким образом ребенок получил травму. Оказалось, что двое мальчишек баловались в тамбуре, ожидая очереди в туалет, и один другому «жахнул» вагонной дверью. Раздав «всем сестрам по серьгам», наорав на своих воспитанников и велел им «всем сидеть на местах до прихода поезда к месту назначения», тренер тупо смотрел в окно, вряд ли видя мелькающие в нем пейзажи. Снег на Урале даже в начале весны лежал плотными сугробами. В вагоне слышно было, как сопит уснувший Катин «пациент».

– Пойдем, покурим, – продолжая смотреть в окно, неуверенно предложил Владимир.

Все еще удивляясь его поступку, она неконтролируемо резко ответила:

– Не курю, и вам не советую.

– Так и я не курю... – усмехаясь краем рта, пристально, впервые за все это утро посмотрев ей в глаза, сказал тренер. – Так пойдем? Вам ведь не терпится мне что-то сказать?

Катя накинула на себя шерстяной жакет, и в абсолютной вагонной тишине они молча направились к ближайшему выходу в тамбур. Как только они там оказались, Катя резко повернулась к нему, шедшему сзади, и почти выкрикнула:

– Это жестоко!

– Может быть, – он засунул свои руки себе же под мышки, как делают люди, когда хотят согреться. – Но я считаю, что лучше иногда перетерпеть и получить квалифицированную помощь, а не абы-кабы, на первом полустанке. Не первый раз замужем...

– А, кстати, где ваша жена, и как она отпустила с вами сына? Я бы на ее месте...

Он резко ее прервал:

– Оставайтесь на своем месте... и не лезьте, куда не следует.

Снова повисла пауза, заполняемая стуком колес.

Ей было зябко даже в жакете. Он был в футболке и, казалось, не чувствовал холода.

Катя взялась за ручку вагонной двери, но в это время услышала его потухший, совсем не командирский голос:

– Спасибо вам за помощь. Наверное, вы правы, будь мать рядом, с Дениской, ничего бы не случилось. Мы вдвоем их тренируем... – он споткнулся на фразе, – тренировали...

– Она не смогла поехать?

Снова было слышно только стук колес. Потом, явно заставляя себя говорить, Владимир произнес:

– Можно и так сказать...

Снова повисла пауза, заполняемая звуками стального тамбура и вагонных колес...

– Она умерла, не приходя в сознание, после травмы, которую получила во время тренировки...

– Как это случилось? – Катя старалась говорить как можно мягче, боясь своего вторжения на территорию чужой боли.

– Да здесь же, на Урале. Мы часто сюда приезжаем на соревнования – в сезон. А тогда решили летом «лагерем» остановиться – в пригороде. Климат здесь хороший, летом сухо, дождей нет. Пруд, пляж, лодки – тренируйся, сколько хочешь. В лесу – грибы-ягоды. У нас в тот день была двухчасовая тренировка – на выносливость. Бежали по одной из проселочных дорог. Вера, жена моя, с младшими девочками впереди, а я с ребятами постарше – замыкающим. Нас обогнал трактор... Сначала ехал вдоль дороги, а потом стал ее пересекать по диагонали и аккуратно – в толпу девочек. Так, по одной их и подминал под себя: те, кто оказался около него первыми, – отделались ушибами, а те, кто... Я трактор догнал, влез в кабину. Водитель

пьяный, я его выволок... Мы со старшими ребятами на руках дотащили всех своих раненых до ближайшей деревни. Пока вызывали «Скорую», пока она приехала, пока приехали в город... Ну, вы понимаете, раз хирург...

Ей вдруг стало стыдно... и холодно. Она прикоснулась к его предплечью, почувствовала бугор мышц, сказала:

– Пойдемте, тут совсем не жарко... – и добавила: «Простите меня... пожалуйста».

Как только они вошли в вагон, детское щебетанье смолкло, как по команде. Тренер приходил в себя от собственной откровенности, потом тихо сказал, ни к кому персонально не обращаясь:

– Давайте, архаровцы, собирайтесь потихоньку. Скоро будем на месте.

«Архаровцы», обрадованные тем, что гроза миновала, радостно зашебуршились, зашептались, а потом и вовсе заговорили звонкими детскими голосами, как и положено им по возрасту и «статусу».

...Как ни нравился Кате Владимир Иванович, как ни сочувствовала она ему и его сыну, но мысль о том, что сейчас, вот уже сейчас она окажется в городе, где родилась и выросла, воздвигла некую незримую преграду между ее симпатичным попутчиком и его воспитанниками. Так часто бывает в дороге: только что мило беседовали с чужими людьми, но приближение конечной остановки вынуждает сосредоточиться на своих проблемах и предстоящих делах. Видимо, и у тренера было примерно такое же состояние: группа детей почти в пятьдесят человек на одного взрослого – ответственность тяжелая.

С радостью, что наступило «освобождение» от вагонной духоты, пассажиры выбирались на свежий морозный воздух под аккомпанемент тепловозных гудков и объявлений вокзального диктора. Тем не менее, тренер нашел минуту, чтобы при прощании на перроне дать Кате свою визитку:

– Через две недели мы вернемся в Москву. Если захотите – позвоните мне. А на обороте – телефон гостиницы, где мы остановимся сегодня. Это даже не гостиница, а спортивная база, на горе Долгой. Вдруг захотите покататься? У меня времени, конечно, вряд ли много свободного будет. Но часа два я найду. Если хотите, город вам покажу.

Она улыбнулась снисходительно:

– Нет, провозятых мне не надо. Я в этом городе родилась.

– Ну, как знаете, – приподняв плечо под ремнем тяжелой сумки, – резюмировал Владимир итог знакомства, понимая, что за ними сейчас наблюдает двадцать пять пар детских глаз.

Она помахала рукой спортсменам, погрузившимся в подъехавший автобус с надписью «Привет участникам соревнований», и осталась на привокзальной площади осматриваться.

Глава 4. Город детства

Ни она – город, ни город – ее – не узнали. Но ее это особо не расстроило. Ведь она сюда не предаваться воспоминаниям и лирике приехала, а с конкретной целью. И для достижения этой цели у нее в блокноте были записаны фамилии и адреса, которые она выцарапала из глубин своей подростковой памяти.

Сев в такси, она назвала первый в своем поисковом маршруте адрес: улица Карла Маркса: квартира, в которой они жили до переезда в Подмоскowie, находилась в доме номер 61. Она отправлялась туда, надеясь, что отец там так и живет. Ведь оставалась же ее бабушка Амалия после их отъезда в своей же квартире, почему бы и отцу не поступить так же? А если он еще и женился, то тогда эта трехкомнатная квартира как нельзя лучше подошла бы для новой семьи, так как хорошо распланирована. Катя помнила, что между спальней родителей и их с Танькой комнатой находилась гостиная. Окна родителей выходили во двор, а они с Танькой всегда сидели летом на подоконнике своей комнаты и сплевывали косточки от черешни на газон зеленой улицы, сильно шедшей под уклон. Еще она вспомнила, как однажды, в июне, вдруг резко выпал снег и засыпал все тополя тяжелым мокрым слоем. Ветки ломались под его тяжестью, и по всей улице стоял треск.

Такси остановилось как раз на углу этой улицы и маленького переуллка: «Во двор не поеду, – категорически заявил водитель, – там вечно все машинами заставлено. Богатые все стали, – ворчливо сказал он, принимая от Кати деньги и отсчитывая купюры для сдачи. Она так и не поняла, чем он был недоволен, количеством машин во дворе или ее крупной купюрой.

Катя открыла дверь знакомого подъезда, еще не знавшего кодовых замков, поднялась на второй этаж, позвонила в их бывшую квартиру. Звонок раздался звонким эхом – у них был большой коридор. Она вспомнила, что двери ванной комнаты и туалета открываются в коридор, потом представила, как входит в гостиную, а через нее – в кухню. Одно время папа тер себе сырой картофель – лечил язву желудка.

Она снова позвонила, – ни души.

– Заблудилась? – вдруг окликнул ее старческий голос. Катя оглянулась: по лестнице поднималась пожилая женщина. Одной рукой, с тонкой кожей и набухшими синими венами под ней, она держалась за перила, а другой опиралась на деревянную трость. Лицо женщины Кате не было знакомо.

– Здравствуйте, вы не знаете, кто здесь живет?

– Звонишь в квартиру и не знаешь, кто там живет? – удивилась старая женщина. – А зачем тогда звонишь? Подписи собираешь на депутата?

– Я жила здесь... двадцать лет назад.

– Тюю... – протянула женщина и остановилась у двери напротив. – Ты знаешь, сколько хозяев здесь сменилось за те пять лет, что я с ними соседствую? Сейчас здесь военные живут...

«...Ишь, какая шустрая, – посмеялась Катя над своей неудачей и отправилась в маленькую гостиницу, которая находилась здесь же, в полуподвальном помещении этого же дома. – Хорошо, хоть что-то сохранилось, как прежде...»

Ей повезло удивительно: ее маленький одноместный номер выходил окнами во двор, где она провела свое детство: заснеженный стол для тенниса, невысокая ограда, разделявшая территории детского садика и жилого дома. Правда, ограда совсем не мешала им с приятелями вечером перемахнуть «в садик» и там играть в прятки, пока не выгонит сторож или родители не позовут домой... Пейзаж за окном, вызвавший воспоминания, вселял надежду, что ее поиски будут удачными и недолгими.

Ну что же, в конце концов, есть газета «Нижне-Тагильский рабочий», в которой корреспондентом начинала ее мать. И от матери она знала: если что-то хочешь узнать – иди в редакцию и по цепочке информаторов найдешь того или то, что нужно.

Оставив вещи в гостинице, Катерина отправилась в здание, которое помнила и любила в детстве: городскую библиотеку. В читальном зале попросила подшивку местной газеты и, пролистав ее, через полчаса знала все, что ей нужно: больница, в которой бывший цирковой акробат встретил ее отца, по-прежнему носит свой номер и находится в том же здании; а в городе создано немецкое общество «Возрождение», которое занимается реабилитацией российских немцев, подвергшимся репрессиям в начале Великой Отечественной войны, ставшими узниками трудовых лагерей именно здесь, на территории Свердловской области.

«Уж наверняка в этом обществе знают, где живет Август Лихт», – с надеждой думала Катя по дороге к пятиэтажному серому зданию в стиле сталинского ампира и открывая тяжелую дверь с табличкой «Возрождение».

Она оказалась в небольшом уютном помещении, где пахло кофе и чем-то знакомым ей с детства... кажется, приправами, которыми бабушка Амалия сдабривала свое «воскресное» печенье, когда они с дедушкой Артуром переехали из барака в квартиру на улице Мира. Так она и пошла по коридору – на запах. Через несколько шагов оказалась в холле: уютные кресла, журнальные столики. На одном из них – дымящийся кофейник, а рядом, на большой тарелке – ...бабушкино печенье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.